

М.М. Маммаев

**АКАДЕМИК ХРИСТИАН ДАНИЛОВИЧ ФРЕН
(1782–1851) О КУБАЧИНЦАХ***

Первый весьма ценный научный свод сведений восточных письменных источников и литературных данных о селении Кубачи и его жителях принадлежит известному российскому востоковеду, филологу-арабисту, историку и крупному нумизмату академику Христиану Мартину Френу (Christian Martin Frahn), более известному в России в свое время как Христиан Данилович Френ. Не утратившая до настоящего времени своего научного значения его сравнительно небольшая статья «О народе кавказском Кубечи» была опубликована в 1838 г. на немецком языке (Frahn Ch. – М., 1838. Т. IV. № 75, S. 33–45; № 76. S. 49–53), а в 1840 г. была издана в переводе на русский язык в «Журнале Министерства народного просвещения» (Френ Х.Д., 1840. С. 87–107), выходившем в Санкт-Петербурге.

В Дагестане Х.Д. Френ мало известен, поэтому прежде чем охарактеризовать его работу о кубачинцах, приведем некоторые его биографические данные, подчерпнутые нами в основном из трудов Г.А. Федорова-Давыдова и Л.Ф. Недашковского.

Х.Д. Френ родился 23 мая 1782 г. в немецком городе Ростоке (северо-восточная Германия). Учился в гимназии, затем окончил Ростокский университет, где он вскоре после представления диссертации и получения степени доктора философии начал работать приват-доцентом.

По рекомендации своего учителя, знаменитого в то время востоковеда О.Г. Тихсена (1734–1815) Христиан Данилович в 1807 г. был приглашен на преподавательскую работу в Казанский университет, где он занял должность ординарного профессора по кафедре восточных языков. Он преподавал арабский, персидский и турецкий языки. В 1815 г. стал деканом историко-филологического факультета. Работая в университете, «он сделался одним из первых ориенталистов и нумизматов в России» (Федоров-Давыдов Г.А., 1984. С. 179).

В 1918 г. после смерти О.Г. Тихсена он получил приглашение занять место его учителя – кафедру Ростокского университета. Дав на это согласие, в июне 1817 г. Христиан Данилович отправился из Казани в Германию, но по пути задержался в Петербурге. Ознакомившись в этом городе с коллекциями восточных монет Российской академии наук, он решил остаться в России, как оказалось, навсегда (Недашковский Л.Ф., 2008. С. 118).

Вскоре он стал академиком, а в конце 1818 г. был назначен директором созданного тогда Азиатского музея* – первого в России востоковедческого научно-исследовательского учреждения при Академии наук. На этой должности он нахо-

* В 2007 г. исполнилось 225 лет со дня рождения одного из основоположников ориенталистики и нумизматики в России акад. Х.Д. Френа. Мы намеривались написать статью, приуроченную к этой дате, но не успели по разным причинам. Придерживаясь принципа «лучше поздно, чем никогда», с некоторым опозданием написали данную статью, посвященную памяти выдающегося ученого-востоковеда.

* В 1930 г. музей был реформирован и включен в состав вновь созданного Института востоковедения АН СССР.

дился до 1842 г. Х.Д. Френ был назначен в 1818 г. и почетным библиотекарем Императорской публичной библиотеки для определения восточных книг с выплатой жалованья. Этот пост ученый замещал до конца своей жизни (*Недашковский Л.Ф.*, 2008. С. 119). Скончался Х.Д. Френ 16 августа 1851 г. в Санкт-Петербурге, «будучи членом более десятка научных обществ и академий Европы, оставив после себя школу русских ориенталистов и нумизматов и обессмертив свое имя учеными трудами главным образом по восточной нумизматике, эпиграфике и по арабским и персидским рукописям» (*Федоров-Давыдов Г.А.*, 1984. С. 176).

«Нумизматика была главной страстью Френа, – пишет Г.А. Федоров-Давыдов. – Через его руки прошло более 3 миллионов монет. Он определил, описал и издал десятки собраний восточных монет многих коллекционеров, университетов и академий» (*Федоров-Давыдов Г.А.*, 1984. С. 176).

Заметный след оставил Х.Д. Френ в ориенталистике и как эпиграфист. Он перевел и опубликовал куфические надписи надгробия XII в. с острова Мальты, ряд надписей г. Дербента, Нахичевани, Грузии (надписи на арабском языке на воротах монастыря в Гелати). Перевел также надписи на футляре для Корана касимовского хана Ураз-Мухаммада, на бронзовых зеркалах XIII–XIV вв. из Волжской Болгарии и т.д.

Х.Д. Френ располагал информацией об имеющихся в сел. Кубачи средневековых надписях на камнях в стенах домов и выражал большое желание получить с них оттиски для переводов (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 219).

Рассматривая вопросы истории изучения и собирания эпиграфических памятников Северного Кавказа, Л.И. Лавров писал: «Важное значение имело обращение в 1828 г. выдающегося ориенталиста Х.Д. Френа к «ученым путешественникам, которых путь лежит через Дербент» и к «просвещенным чиновникам штаба расположенных в сем замечательном месте российских войск» с призывом снимать «верные отпечатки с весьма многих сохранившихся еще древних надписей и изваяний в Дербенте и окрестностях оногo» (*Френ Х.Д.*, 1837. С. 127–128). Тем самым, по выражению Н.В. Ханькова, «поощрил он спастись от забвения каменнописные отрывки истории». Сам Х.Д. Френ опубликовал тексты и переводы эпиграфических памятников, зарисованных Д.К. Кантемиром и Э.И. Эйхвальдом. Последний представил Х.Д. Френу 7 изображений надписей, которые он сделал в Дербенте в 1826 г. (*Френ Х.Д.*, 1837. С. 101–128; *Frahn Ch.* – *M.*, 1828. №№ 20–23; *Eichwald E.*, 1838. S. 205–229; *Dorn B.*, 1846. S. 297–319). ... Пробужденный Х.Д. Френом интерес к арабским надписям Кавказа привлек к их поискам ряд лиц, среди которых были специалисты-востоковеды и просто любители» (*Лавров Л.И.*, 1966. С. 25).

Христиан Данилович регулярно переписывался со многими отечественными и зарубежными коллегами – выдающимся дагестанским ориенталистом, уроженцем г. Дербента А.К. Казембеком, а также с такими известными востоковедами, как Б.А. Дорн, И.Н. Березин, Н.В. Ханьков, Г.С. Саблуков и другие. «Имя Френа – одно из самых безукоризненных в истории науки», – писал о нем его ученик и последователь востоковед П.С. Савельев.

Возвращаясь к статье Х.Д. Френа о кубачинцах, отметим, что известный этнограф-кавказовед Е.М. Шиллинг высоко отзывался о ней и считал ее «чрезвычайно ценной научной сводкой о Кубачи, почерпнутой из большого количества источников» (*Шиллинг Е.М.*, 1949. С. 218).

Вначале своей статьи Х.Д. Френ пишет о географическом положении с. Кубачи – «в пятидесяти верстах на северо-запад от Дербента, у источников Уллучая, ... в горах Кайтагских». Кубачинцев он считает заслуживающими «в высокой степени внимания по особенным своим нравам и необыкновенным обычаям, равно как по отличительным искусствам и притязаниям своим на европейское происхождение» (Френ Х.Д., 1840. С. 107).

Далее Х.Д. Френ дает объяснение смыслового значения персидского названия Зирихгеран (у автора статьи написано Сиргеран) и тюркского названия Кубачи, означающих кольчугоделатели, бронники, оружейные мастера. Он отмечает, что в восточных историко-географических сочинениях зирихгераны (сиргераны) упоминаются в связи с историческими событиями, относящимися к VI в. н.э. – периоду правления сасанидского царя Ануширвана (531–579 гг.). «А когда арабы распространили свои завоевания на Кавказ, – пишет автор, – среди народностей, вынужденных платить им дань, упоминаются и зирихгераны».

Арабские историки ал-Белазури (ок. 820–892 гг.) и ал-Масуди (ум. в 956 г.) являются самыми древними авторами, у которых встречается упоминание о зирихгеранах. Х.Д. Френ перечисляет и других средневековых восточных авторов, в трудах которых встречаются отдельные сведения о зирихгеранах. Это испанский араб, историк и путешественник Абу Хамид Андалузи ал-Гарнати (1080–1169 гг.), знаменитый арабский энциклопедист, историк и географ Йакут ар-Руми ал-Хамави (1179–1229 гг.), известный арабский географ и космограф Закарийя ал-Казвини (1203–1283 гг.), азербайджанский ученый-географ Абд ар-Рашид ал-Бакуви (2-я пол. XIV – нач. XV в.), сириец из Алеппо космограф Ибн ал-Варди (ум. в 1457 г.), персидский автор Шереф ад-дин Йезди (ум. в 1454 г.), турецкий географ Хаджи Хальфа (1609–1657 гг.), известный у европейцев под именем Кятиб Челеби, автор «Дербенд-наме» [Мухаммад Аваби Акташи, рубеж XVI–XVII вв.], персидский географ Садик ал-Исфахани (ум. в 1680 г.) и другие.

Труды перечисленных авторов Х.Д. Френ изучал, как видно из содержания его статьи, в оригиналах, а не в переводах на русский или немецкий языки.

Х.Д. Френ приводит почерпнутые из сочинений восточных авторов сведения о ремесле зирихгеранов, занимавшихся изготовлением кольчуг, мечей, стремян, удил и других железных вещей.

Пересказывая содержание труда З. Казвини, академик пишет, что зирихгераны «были богаты и гостеприимны, и особенно любили гостей, знавших какое-либо ремесло, искусство или науки и умевших писать. Непрístupность их страны помогла им сохранить независимость свою от окружающих их племен» (Френ Х.Д., 1840. С. 89).

Он кратко пишет, основываясь на восточных источниках, о религии зирихгеранов, среди которых были последователи мусульманства, христианства и иудаизма. Несколько подробнее останавливается автор на описании зороастрийского типа погребального обряда у зирихгеранов, описанного З. Казвини: «В каждой из двух деревень, которые по его (т.е. З. Казвини. – Авт.) словам были обитаемы сиргеранами, были большие, для мужского и женского пола отдельно подземельные покои, в которых они разрезывали тела, отделяли мясо от костей и сохраняли сии последние в мешках с надписью имени и года рождения и смерти покойника. Мясо же и внутренности они уносили на два, также особые для каждого пола, вышениа вне деревень, на съедание воронам и коршунам» (Френ Х.Д., 1840. С. 89–90).

Автор статьи о кубачинцах пишет и о том, как зирихгераны в 1396 г., видя бесполезность и невозможность сопротивления среднеазиатскому завоевателю Тимуру, чтобы избежать кровопролития и разрушений, изъявили покорность и преподнесли ему множество кольчуг и брони (Френ Х.Д., 1840. С. 90).

Не менее любопытные сведения о зирихгеранах содержатся в работах ряда путешественников и ученых нового времени, – пишет Х.Д. Френ. Но в этих работах народ зирихгеран известен уже под другим названием. И здесь автор приводит разные варианты названий – «Кубеджи, Кувечи, Кубичи (кубачинцы), Кубачи, Кубеши (кубешинцы), Кувеши, Губеши, и еще иначе по разным произношениям» (Френ Х.Д., 1840. С. 90). Из этих названий наиболее правильным считает автор название «Кюбеджи» или «Кубечи», и по смыслу оно равнозначно названию Зирихгеран. В подтверждение этого он ссылается на сочинение «Дербенд-наме», где отмечена однозначность этих названий.

В своей статье Х.Д. Френ перечисляет имена многих авторов, в трудах которых встречаются самые разнообразные сведения о с. Кубачи и кубачинцах. Среди этих авторов – полковник И. Гербер (ум. в 1734 г.); майор И. Вольф (в 1722–1724 гг. служил в прикаспийской зоне Кавказа); Я. Рейнегтс (1744–1793) – врач по специальности, в 1779–1783 гг. служивший на Кавказе; польский граф Я. Потоцкий (1761–1815); адъютант Российской академии наук Ю. Клапрот, совершивший в 1807–1808 гг. путешествие по Кавказу с лингвистической целью; Гамба – французский консул в Тифлисе, совершивший в начале XIX в. путешествие по Кавказу; подполковник Г. Бракель, служивший в первой пол. XIX в. в Дагестане, а затем состоявший комендантом г. Нухи; С. Броневский (1763–1830) – офицер, участник второго Персидского похода русских войск в 1796 г., состоявший на военной службе в Тифлисе; Э. Эйхвальд (1795–1876) – профессор, русский естествоиспытатель; П. Зубов, долго живший в Закавказье, автор труда «Картина Кавказского края» (СПб., 1835) и т.д.

Х.Д. Френ критически анализирует труды перечисленных авторов, в которых имеются данные, касающиеся языка кубачинцев, их занятий, быта, обычаев, обрядов, их происхождения, религиозных верований и т.д. Наряду с ценными сведениями, в работах указанных авторов встречается немало домыслов, неверных догадок и предположений.

Представляют значительный интерес сведения, касающиеся самого с. Кубачи. Х.Д. Френ, ссылаясь на работу Г. Бракеля, пишет: «Область народа Кубечи ныне входит в состав Дагестанской области. К городку их, известному под тем же названием, по словам Бракеля, принадлежат еще три деревни: Суреркелли (Сулевкент. – Авт.), Ширилли (Шири. – Авт.) и Амисгалли (Амузги. – Авт)». Продолжая далее, Х.Д. Френ пишет, что «Граф Потоцкий приводит оных восемь, а именно: Сутеркалла (Сулевкент. – Авт.), Сеалла (Шири, по-кубачински Шала. – Авт.), Хумукалла (?), Ицтулла (ИштIала, т.е. Ашты. – Авт.), Ходетзалла (ХудецIалла, т.е. сел. ХудуцI. – Авт.), Кумукалла (?), Урвалла (Урерала, т.е. Урари. – Авт.) и Нахкалла (Намки. – Авт.).

Из этих авторов более правильные сведения приводит Г. Бракель. О «принадлежности городку» Кубачи в конце XVIII или начале XIX в. селений Хумукалла, Кумукалла (с неправильно записанными названиями), а также ХудуцI, Урари, Намки нет достоверных данных.

По вопросу о происхождении кубачинцев упомянутые выше авторы высказывали различные мнения, но большинство из них сходились в том, что кубачин-

цы «были первоначально френги (франки), т.е. происходят из Западной Европы; но неизвестно к какому именно народу они некогда принадлежали и когда переселились... О языке их утверждали, будто он не имеет сходства ни с каким другим, ни европейским, ни кавказским языком» (*Френ Х.Д.*, 1840. С. 93). Г. Бракель же ошибочно писал, что язык кубачинцев непонятен «даже жителям... трех деревень, принадлежащих к области Кубечи» (*Френ Х.Д.*, 1840. С. 94). На самом деле, отмечает Х.Д. Френ, язык кубачинцев сходен с языком, «употребляемым в сел. Акуша», т.е. является диалектом даргинском языка. Это доказали И. Гильденштедт, П. Паллас и Ю. Клапрот.

Ссылаясь на сарептского миссионера Грабша, посетившего в 1782 г. вместе с Грулем сел. Кубачи с целью выяснить происхождение его жителей (*Маммаев М.М.*, 2005. С. 131, 204–205), Х.Д. Френ указывает, что кубачинцы «употребляют в письме арабские буквы. Ни другой письменности, ни древних книг у них нет. Однако, – отмечает он, – Бракель упоминает о большой книге, содержащей «древние их установления на собственном языке, но татарскими (т.е. арабскими) буквами написанные» (*Френ Х.Д.*, 1840. С. 94).

Вызывают интерес имеющиеся в статье Христиана Даниловича сведения об общественном строе кубачинцев, который истолковывался разными авторами то как демократический, то как аристократический. По их данным, хотя сел. Кубачи в некотором отношении зависело от уцмийства Кайтаг и от России, но оно имело свое собственное управление. По И. Герберу, народ повинуется 12 старшинам, избираемым на 1 год, а по показанию Я. Рейнегтса – на всю жизнь. Грабш же утверждал, что у жителей сел. Кубачи имеется совет, состоящий из двадцати четырех членов под председательством четырех старшин, избираемых ежегодно. По сведениям Г. Бракеля, управление кубачинским обществом возлагается на 10 старшин, должность которых наследственна. Наконец, Гамба ошибочно рассматривал общественное устройство кубачинцев как монархическое с избираемым правителем, которому, однако, народ не платит податей.

Наиболее верным из указанных высказываний об общественном строе представляется мнение И. Гербера, а мнение Грабша (побывавшего, как уже отмечали, в сел. Кубачи в 1782 г.), возможно, отражает некоторые изменения в общественном строе кубачинцев, происшедшие после издания работы И. Гербера, скончавшегося в 1734 г.

Статья Х.Д. Френа содержит, помимо отмеченных выше, еще данные о религии кубачинцев. Он приводит краткие сведения о том, что в прошлом кубачинцы являлись христианами, а мусульманами они стали, по показанию Ю. Клапрота, в 1457 г., а по мнению Г. Бракеля, около 600 лет тому назад.

В подтверждение того, что в прошлом кубачинцы являлись христианами, Грабш и Груль писали о трех древних зданиях в сел. Кубачи, являвшихся церквами. А одну из этих церквей, «украшенную резьбою, превратили в жилой дом в 5 этажей». На камнях этого здания сарептские миссионеры увидели непонятные им надписи (*Френ Х.Д.*, 1840. С. 96).

Мы уже писали о том, что в XVIII в. в с. Кубачи ислам настолько упрочился, а само селение стало одним из центров мусульманской духовности и образованности, что более чем маловероятно, что там находились три церкви (*Маммаев М.М.*, 2005. С. 131–132). Грабш и Груль мечети называли церквами. А надписи на камнях пятиэтажного здания, превращенного в жилой дом, являлись арабскими надписями. По показанию Ю. Клапрота, в Кубачи в начале XIX в. было 12 мечетей.

Акад. Христиан Данилович останавливается и на вопросах занятий кубачинцев, содержащихся в работах многих ученых и путешественников. Все они единодушно считали кубачинцев с давних времен искусными оружейными мастерами. «Брони, ружья, сабли и другое оружие их работы и поныне в тех странах (т.е. на Кавказе. – Авт.) и в Персии считаются превосходными. Они отличаются также в изделиях золотых и серебряных, а жены их вышивают золотом и серебром, и ткнут ковры и платки. Говорят, будто этот промышленный народ, – пишет Х.Д. Френ, – вылил даже себе несколько орудий для защиты своей небольшой гористой области, и чеканил даже турецкие, персидские и русские деньги высокого внутреннего достоинства, которые по этой причине охотно всюду принимали» (Френ Х.Д., 1840. С. 97–98).

По данным разных авторов, на которые опирается Х.Д. Френ, кубачинцы поддерживали торговые связи с Дербентом, Гянджой, Шушею. Вследствие их занятий оружейным и ювелирным делом, торговлей они живут в особенном благосостоянии.

Высокое мастерство в отделке оружия и изготовление ювелирных изделий «приобрело им уважение всех горских тамошних народов, которые закупают у них все свои воинские доспехи, и по этой же причине живут охотно в мире и дружбе с ними. Честность приобрела им безграничное доверие их соседей. Уцмий, шамхал и другие владельцы тех стран, когда имели между собою распри, выбирали землю Кубечи сходным место для объяснений и примирения между собою. Во время опасностей они искали и находили у них приют, складывали у верных Кубечи (т.е. кубачинцев. – Авт.) сокровища свои, когда не надеялись на безопасность в собственной земле своей» (Френ Х.Д., 1840. С. 99).

Христиан Данилович пишет, что кубачинцы как в прошлом, так и в настоящее время, т.е. в первой половине XIX в., не были ни от кого зависимы, хотя неоднократно делались безуспешные попытки их подчинения, как например, нападение дербентцев и ширванцев в XII в., закончившееся полным провалом. Здесь Х.Д. Френ имеет в виду описанный Абу Хамидом ал-Гарнати поход дербентского правителя – эмира Сейф ад-Дина Мухаммада ибн Халифа ас-Сулами и его союзников против Зирихгерана-Кубачи, предпринятый в 1126 г. (Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати..., 1971. С. 50–51). В 1725 г. Кубачи вместе с уцмийством Кайтагским присягнули на подданство России, но подати не платили. В 1819 или 1821 г. они снова присягнули с обязательством платить подать, составлявшую, по словам Г. Бракеля, 400 червонцев, а по данным О. Евецкого – 900 рублей серебром в год.

В статье Христиана Даниловича представлены и некоторые материалы по этнографии кубачинцев – не совсем точные данные об их мусульманском похоронном обряде (Френ Х.Д., 1840. С. 102), основанные на сведениях, приводимых Я. Рейнеггсом, о семье и браке (кубачинцы не заключали браки с представителями других народностей), об архитектуре (по данным того же Я. Рейнеггса, дома у кубачинцев строятся из камня и дерева в 2–3 этажа. «Окна у них как в Европе, только по неимению там стекол, затворяются деревянными ставнями»). В быту пользуются столами, стульями, кроватями, ножами, вилками и т.д.).

Имеются некоторые сведения и об обычном праве кубачинцев, основанном на адате: такие преступления, как воровство, распутство, наказывались денежными штрафами. Более тяжкие преступления – убийство, разбой и другие влекли за собой более суровые наказания – «дом преступника сламывается, его домашняя

утварь уничтожается» (Френ Х.Д., 1840. С. 101). А по данным других авторов, виновника выселяли в одно из соседних селений (см.: Шиллинг Е.М., 1949. С. 182).

Своеобразие материальной и духовной культуры, традиционного быта, высоко развитого искусства, особенности языка кубачинцев и т.д. привлекали пристальное внимание многих русских и западноевропейских ученых и путешественников прошлого. При этом высказывались самые различные, порою фантастические предположения относительно их происхождения.

В статье Христиана Даниловича систематизированы встречающиеся в литературе XVIII – первой половины XIX в. предположения о происхождении кубачинцев. Этими вопросами первыми занимались И. Гербер и Г. Байер. Но мнение И. Гербера о европейском, вернее генуэзском, происхождении кубачинцев, изложенное в работе «Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 году», в статье Х.Д. Френа не приводится (об имеющейся в работе И. Гербера версии о генуэзском происхождении жителей сел. Кубачи см.: Шиллинг Е.М., 1949. С. 213; Маммаев М.М., 2005. С. 202–203). Акад. Г. Байер тоже считал весьма вероятным, что кубачинцы происходят от генуэзцев, которые в XIII в. и в последующие столетия поселились на берегах Черного моря. Это мнение разделял акад. И. Гильденштедт.

Автор труда «Historie des Huns» (Париж, 1756) Дегинь (Deguignes) предполагал в кубачинцах именно тех генуэзцев, которые при покорении турками Кафы и Манкуба (1475 г.) были принуждены бежать. Э. Эйхвальд старался доказать, что кубачинцы происходят от греков. Другие приписывали им германское происхождение и считали, что в их языке есть следы немецкого языка. Акад. Г. Миллер в кубачинцах, говорящих, как он полагал, «совсем особенным языком», видел потомков древних алан. Этой точки зрения придерживался и выдающийся историк, автор двенадцатитомного сочинения «История государства Российского» Н.М. Карамзин.

После изложения различных мнений о происхождении кубачинцев Х.Д. Френ отмечает, что в их языке не найдено малейшего сходства с языками греческим, итальянским или немецким. Язык кубачинцев Христиан Данилович считал «наречием лезгинским» (т.е. дагестанским). Он склонялся к мысли о верности предположений ученых и путешественников о европейском происхождении кубачинцев, полагая при этом, что переселение их на Кавказ совершилось в весьма древние времена, так как письменные источники упоминают о них в связи с историческими событиями VI в. н.э. «Это же обстоятельство не позволяет думать о генуэзском или венецианском происхождении кубачинцев, – пишет Х.Д. Френ, – и тем более сказкой или вымыслом можно считать, что лет 40 тому назад (в конце XVIII в. – Авт.) рассказывали П. Палласу на Кавказе, будто бы незадолго до этого один кубачинец по дороге в Мекку в г. Константинополе встретил венецианцев, с которыми он легко мог объясняться» (Френ Х.Д., 1840. С. 104). Этот рассказ более подробно и с разницей в деталях изложен, как отмечает Христиан Данилович, в статье Г. Бракеля, специально посвященной кубачинцам (Brackel H., 1834. S. 159–165). Но Х.Д. Френ не приводит ни название статьи, ни содержащийся в ней рассказ. Полагая, что для читателя указанный рассказ представляет определенный интерес, приводим его здесь.

Сведения о кубачинцах были получены Г. Бракем, как об этом пишет он сам, от его друга, проживающего в Грузии и будто бы хорошо сведущего в затрагиваемых в статье вопросах.

Повторяя приписываемую кубачинцам легенду об их европейском происхождении, Г. Бракель заявляет, что происхождение этой легенды якобы «подтверждено тридцать лет тому назад (т.е. в начале XIX в. – Авт.) двум иностранцам самими кубачинцами».

Далее автор (со слов эти двух иностранцев) излагает следующую историю. Несколько кубачинцев (точное количество их не указано) по пути в Мекку для совершения хаджа, в г. Джаффа (Каффа – вероятно, современная Феодосия. – Авт.) сели на судно, где они встретили двух иностранцев, которые полностью понимали их язык и обстоятельно рассказали о своих делах. Потом они объяснили своим новым европейским друзьям, какие у них были первые сельчане и что родиной их был вроде бы Ванедик (Wanedic) и что 17 столетий тому назад их семьи переселились и до сих пор в Кубачи живут эти переселившиеся жители. При этом упомянутые европейцы предложили кубачинцам поехать к своему господину, который был князем в Европе, и конечно же они будут хорошо приняты и щедро одарены подарками. Хотя кубачинцы были польщены этим приглашением, тем не менее они продолжили свой путь в Мекку. А после возвращения они очень много рассказывали о приятной встрече и любезном общении обеих сторон. Но вопрос, какое из европейских государств они называли Ванедиком, остался спорным (*Brackel H.*, 1834. S. 159–161; Детальные сведения.... С. 1–2).

Эта легенда, изложенная Г. Бракем, является расширенным вариантом нелепого вымысла, рассказанного кем-то еще П. Палласу в бытность его на Кавказе. Х.Д. Френ назвал эту легенду ничтожной сказкой (*Френ Х.Д.*, 1840. С. 103).

Еще один вариант этой легенды со ссылкой на П. Палласа приводит Е. Вейденбаум: «Одни кубачинец, отправившийся на богомолье (хадж. – Авт.) в Мекку, встретился случайно в Константинополе (современный Стамбул. – Авт.) с венецианским матросом и мог свободно говорить с ним на своем итальяно-кубачинском языке» (*Вейденбаум Е.*, 1888. С. 112).

Работа Г. Бракеля содержит немало ошибок. Он путает сел. Кубачи с Капуча (Кобуча) – местом обитания дидойцев (цезов), относящихся к аварской группе народностей. Неверно также его утверждение о том, что язык кубачинцев не понятен жителям селений Сулевкент, Шири и Амузги, составляющих вместе с с. Кубачи, как пишет Г. Бракель, маленькую республику Кубачи. Имеются и другие неверные утверждения. Поэтому Х.Д. Френ относится с чрезвычайной осторожностью к мнению Г. Бракеля, затрагивающему не только вопросы происхождения кубачинцев, но и их языка, обычаев, обрядов, общественного строя и т.д., порою давая ему резко негативную оценку.

Христиан Данилович в конце своей работы пишет, что решению любопытной задачи происхождения кубачинцев могло бы способствовать изучение древних надписей, сохранившихся в с. Кубачи. Он отмечает, что, будучи в Кубачи, миссионеры Грабш и Груль видели на зданиях «надписи, которых никто не умел разобрать». А арменин Павел Калустов, побывавший в Кубачи в 1797 г., «рассказывал графу Я. Потоцкому, что он там видел каменные дома, на которых находились изображения животных и древние надписи. Клапрот, Броневский и Эйхвальд повторяют эти известия» (*Френ Х.Д.*, 1840. С. 105).

Христиан Данилович с упреком пишет о том, что если неученым сарептцам (Грабшу и Грулю. – Авт.) и арменину П. Калустову и в ум не приходило снять и привезти с собою оттиски надписей, то как же упомянутые ученые-путешественники, хотя и не были в Кубачах, упустили «случай добыть верные снимки с тех надписей». Он отмечает, что «рано или поздно время истребит эти памятники... и когда-нибудь придется отвечать за нашу беспечность и равнодушные, и тогда нельзя будет отклонить справедливые жалобы за такую потерю» (Френ Х.Д., 1840. С. 106).

Как сообщает далее Х.Д. Френ, оказать необходимое содействие в снятии оттисков с кубачинских каменных рельефов, составлении планов и разрезов архитектурных сооружений, считавшихся сарептскими миссионерами Грабшем и Грулем церквами, обещал сенатор барон П.В. Ган – начальник Комиссии по составлению нового Положения для управления Закавказским краем, находившийся тогда (ко времени выхода статьи Х.Д. Френа на русском языке) в Тифлисе.

В 1840 г. в Российскую академию наук поступили от сенатора П.В. Гана «копии надписей и двух рисунков, высеченных на стене в городе Кубечи» (Лавров Л.И., 1966. С. 27), которые в настоящее время хранятся в архиве Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Рисунки эти впоследствии были опубликованы искусствоведом Э.В. Кильчевской, которая ошибочно датировала их ранним средневековьем (Кильчевская Э.В., 1968. С. 44–45. Рис. 13–14). Они выполнены настолько неточно, что идентифицировать их с какими-либо сохранившимися до настоящего времени рельефами невозможно. Создается впечатление, что они нарисованы кем-то со слов видевшего рельефы рассказчика, а не срисованы с оригиналов.

Вызывает сомнение и точность копий надписей, поступивших от П.В. Гана в РАН, так как ни Х.Д. Френ, ни в последующем Б.А. Дорн, ни Л.И. Лавров и другие востоковеды не использовали их в своих работах.

В заключение отметим, что статья Х.Д. Френа о кубачинцах способствовала распространению в сер. XIX в. и последующее время более точных научных сведений о с. Кубачи и его жителях по сравнению с теми знаниями, которые существовали до этого. Важное значение имело и то, что Х.Д. Френ как крупнейший и авторитетный востоковед считал кубачинский язык сходным с языком, «употребляемым в сел. Акуша», т.е. рассматривал его как диалект даргинского языка. Не меньшее значение имела критика им различных домыслов и предположений относительно европейского происхождения (немецкого, итальянского и т.д.) кубачинцев. Положительную роль сыграло обращение Христиана Даниловича к ученым и путешественникам серьезно и внимательно относиться к древним надписям, беречь их и точно фиксировать. Вероятно, не без определенного влияния статьи Х.Д. Френа, содержащей информацию об имеющихся древних надписях в с. Кубачи, в 1861 г. акад. Б.А. Дорн вместе с сопровождавшими его помощником Кайтаго-Табасаранского окружного начальника П. Петуховым, юнкером В. Мискиновым и архитектором Е. Гиппиусом побывал в этом селении и Калакорейше, где изучал средневековые каменные рельефы – архитектурные детали с изображениями людей, животных и птиц, а также памятники арабской эпиграфики, которые были опубликованы позднее (Атлас к путешествию Б.А. Дорна..., 1895).

Статья Х.Д. Френа остается ценным источником по истории и этнографии кубачинцев. Из нее можно извлечь немало важной информации об историческом

прошлом с. Кубачи и его жителей, их занятия, образе жизни, материальной и духовной культуре.

БИБЛИОГРАФИЯ

Атлас к путешествию Б.А. Дорна по Кавказу и южному побережью Каспийского моря. 1895. СПб.

Вейденбаум Е.Г., 1888. Путеводитель по Кавказу. Тифлис.

Гербер И.Г., 1760. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курой народах и землях и об их состоянии в 1728 году. Изд., предисл. и коммент. Г.Ф. Миллера // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих. СПб. Ч. XII. Июль–октябрь.

Кильчевская Э.В., 1968. От изобразительности к орнаменту. М.

Лавров Л.И., 1966. Эпиграфические памятники Северного Кавказа. Часть 1. Надписи X–XVII вв. М.

Маммаев М.М., 2005. Зирихгеран-Кубачи. Очерки по истории и культуре. Махачкала.

Недашковский Л.Ф., 2008. Христиан Мартин Френ (1782–1851): к 225-летию со дня рождения // РА. № 1.

Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153) / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. 1971. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1984. Х.М. Френ – нумизмат и эпиграфист (к 200-летию со дня рождения) // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIV. М.

Френ Х.Д., 1837. О надписях города Дербента // Труды и летописи Общества истории и древностей российских, учрежденного при Имп. Московском университете. Ч. VIII.

Френ Х.Д., О народе кавказском Кубечи // ЖМНП. № 8. Август.

Шиллинг Е.М., 1949. Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды. М.; Л.

Brackel H., 1834. Zu näherer Kenntniss der Kabuschaner oder Kubatschiner, eines Kaukasischen Bergvolker Wahrscheinlich Germanischen Ursprungs // Dorpater jahrbücher für litteratur, Statistik und Kunst, besonders Russlands. Riga und Dorpat. Т. II. Русский перевод этой работы: Бракель Г., 1834. Детальные сведения о кубучанцах или кубачинцах, горцах Кавказа, как вероятном происхождении от германцев. Рига и Дорпат. Т. II. С. 159–165. Пер. с нем. М.И. Магомедовой (машинопись) // РФ ИИАЭ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 526. – 8 с.

Dorn B., 1846. Das Asiatische Museum. SPb.

Eichwald E., 1838. Reise auf dem Caspischen Meere und den Kaukasus. Bd. II. Berlin.

Frahn Ch. – M., 1828. Die inschriften von Derbend // St.-Petersburgischen Zeitung. №№ 20–23.

Frahn Ch. – M., 1838. Üeber ein merkwürdiges Volk des Kaukasus, die Kubetschi // Bulletin scientifique publie par l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg. St.-Petersbourg. Т. IV. №№ 75–76.